савва

ЯМЩИКОВ

россия и бесы

Когда не стало Родины моей...

Савва Васильевич Ямщиков

Россия и бесы. Когда не стало Родины моей…

Серия «Политические тайны XXI века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111074
Россия и бесы. Когда не стало Родины моей…: Эксмо: Алгоритм; М.:; 2011
ISBN 978-5-699-50906-5

Аннотация

Знаменитый реставратор и искусствовед нашего времени Савва Васильевич Ямщиков, недавно ушедший из жизни, считал, что распад современного Российского государства неизбежен, потому что в душах соотечественников он уже, кажется, произошел. Не уступая в яркости и остроте пера асам публицистики, он приводит в своей книге чудовищные примеры деградации нашего общества, коррупции, не знающей границ, вседозволенности, открытого бандитизма власть имущих, предательства интересов России… Выступления Ямщикова в газетах, на радио и телевидении, по словам Александра Проханова, являлись живым и страстным орудием воина, проповедника и просветителя. Знание им политических реалий начала XXI века поразительно для человека искусства.

Оттого, наверное, столь беспощадны его диагнозы, что на острокритический анализ накладывается эмоциональность, свойственная творческим людям. Независимо от того, прав Ямщиков или нет, злободневные и актуальные проблемы, поднятые им в книге, по-прежнему не решены. Все так же нагнетается русофобия в прозападных СМИ, фальсифицируется наша история, оскверняются святыни, разбазаривается духовное наследие России…

Содержание

От автора 5
Вопросы простодушного 8
Так жить можно? 8
Кому ЧК, а кому мать родная? 13
Так с кем же вы, мастера культуры? 18
Телевидение, ты чье? 23
Кадры решают все? 29
Кому и кто памятники воздвигает нерукотворные? 35
Зачем распинать любовь земную? 42
И какие песни нам поют? 49
«Иных времен татары и монголы»? 56
Есть ли у них совесть и стыд? 62
Давайте одумаемся 69
«Осторожно, православие»? 76
Он во каков для простаков, но знаем мы – он Кабаков 81
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Савва Ямщиков
Россия и бесы. Когда не стало Родины моей…

Светлой памяти моей бабушки Екатерины Ивановны Гришиной и младшего брата Федора Зырянова

От автора

ЧАС БЕЛОВЕЖЬЯ
Когда не стало Родины моей,
я ничего об этом не слыхала:
так, Богом береженая, хворала! —
чтоб не было мне горше и больней…

Когда не стало Родины моей,
я там была, где ни крупицы света:
заслонена, отторгнута, отпета —
иль сожжена до пепельных углей.

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!., а только бы восстала

страна моя из немощи своей.

Когда не стало Родины моей,
воспряла смерть во всем подлунном мире,
рукой костлявой на железной лире
бряцая песнь раздора и цепей.

Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.

Апрель 1992

Вот такие стихи написала великая русская поэтесса Татьяна Глушкова. Ее талант перекрывает образованческие способности всех авторов проклятого «письма 42-х» к Ельцину – от Лихачева до Окуджавы, призывающих расстреливать русских людей. До гражданственности Глушковой далеко замечательному писателю Виктору Астафьеву, подписавшему то письмецо вместе с ущербным письменником Граниным. Позарился певец сибирской деревни, блестящий прозаик на грязные деньжонки березовского «Триумфа»; на орденок 2-й степени (а Пугачевой дали 1-й), пообнимался с вурдалаком Ельциным; взял на себя миссию защитника «проклятых и убитых» и третейского судьи по итогам Великой Отечественной. Обидно. Ведь Астафьев не какой-нибудь Ганичев или

Дементьев с Поляковым. Так будем молиться за упокой его мятежной души, ибо книги Астафьева – золотой фонд русской литературы, как стихи Татьяны Глушковой – жемчужина ее поэзии.

Вопросы простодушного

Так жить можно?

Из огромной массы лезущих в голову сомнений буду я отбирать наиболее жгучие и волнующие и делиться ими с тобой, мой читатель. За последнее время я уже второй раз попадаю в святая святых Госдумы. Не по своему, конечно, желанию – не церковь дом сей все-таки. Эйфория, захлестнувшая чиновников от культуры, спешащих под радостные камлания журналистов отдать остатки трофейных коллекций Германии, заставила меня, посвятившего сей проблеме не один год жизни, подставить плечо Н.Н. Губенко, в одиночку вышедшему на борьбу с забывшей родство «культурной ратью», по сей проблеме я еще озадачу вопросами спешащих разбазарить государственные ценности. А пока хожу под впечатлением последней пресс-конференции, организованной председателем думского комитета по культуре.

Впервые я увидел так близко целый конгломерат народных избранников, озабоченных проблемами реституции. Сидящий рядом со мной паренек, румяный, кудрявый, смахивающий на куклу Барби, зачитал громко, по бумажке, призыв к нации немедленно вернуть немцам все, дабы не прослыть нам туземцами и зулусами! Поинтересовавшись у си-

дящего рядом депутата, кто есть сей пылкий вьюнош, узнал я, что зовут его Владимиром Семеновым и славен он инициативами по узакониванию браков между геями и «гейшами». Задавать ему вопрос, помнит ли он о своих дедушках и бабушках, хлебнувших горькую чашу военного лихолетья, после полученной информации было бы по крайней мере некорректным. А вот следующего оратора я слушал с открытым от удивления и потрясения ртом.

Держа в руках погасшую трубку, соблюдая сталинские диктаторские паузы, напоминая говорящий бронзовый бюст, вечный депутат Говорухин пел громкую осанну министру Швыдкому. Пожалев несчастного коллегу, так некстати для себя затеявшего процедуру сбагривания «Бременской коллекции», создатель нашумевшего некогда сериала про Высоцкого, с уверенностью и беззастенчивостью джигарханяновского Горбатого, восторженно констатировал небывалый доныне расцвет отечественной культуры в отдельно взятых губерниях. Особенно отмечены были оратором Краснодарский край и Ханты-Мансийск. С Краснодаром у выступающего вышла неувязочка, ибо думская коллега его, актриса Елена Драпеко, тут же отпарировала, что причина краснодарского благополучия зиждется на трудолюбии и бескомпромиссности коммунистического хозяйственника батьки Кондрата и его последователей. А вот что касается Ханты-Мансийска, то тут наш «кинотавр» попал в белый свет, как в копеечку. За день до этого прочитал я в газетах о

двух миллионах долларов, затраченных богатыми тамошними нефтяниками на недельный фестиваль собрата господина Говорухина по кинобизнесу, режиссера Сергея Соловьева. И озадачился я вопросом, как бы облегчилась жизнь истинных хранителей отечественной культуры – сотрудников музеев столичных и провинциальных, живущих на зарплату, которой в соловьевском фестивальном гулянии и на стакан чаю бы не хватило. Ведь фестивали – это банкеты, охота, рыбалка, подарки; короче, мзда нефтедобытчиков за возможность потусоваться с мифическими персонажами из страны кинематографических чудес. А тысяча рублей в месяц, получаемая подвижницами русскими, ибо в музеях трудятся в основном женщины, – символ расцветшей на глазах у депутата Говорухина радениями Швыдкого культуры.

Особенно страстно говорил невозмутимый оратор о коренных сдвигах в истории современного кинематографа, достигнутых также стараниями министра Швыдкого, первого, по словам Говорухина, из занимающих этот пост лица, умеющего общаться с чужеземцами и даже читать лекции на других языках. Я попытался, испросив разрешения у ведущего конференцию Николая Губенко, задать недоуменные вопросы Говорухину, но последний не пожелал опуститься до столь низкого собеседника, назвав полемику сию базаром.

Так ответьте сейчас, господин Говорухин, в чем же Вы видите расцвет русского кинематографа? Может быть, в еженедельно проводимых по всей многострадальной России

фестивалях, на которых показывать-то особенно и нечего? Впрочем, извиняюсь, есть чем Вам удивить публику. Пользуясь тележурналом «7 дней», прежде чем добраться до сетки вещания, вынужден я вместе с домашними любоваться фоторепортажами с этих «праздников, которые всегда с Вами». Как же любите Вы и компании Ваши раздеваться до исподнего и услаждать своими далеко не молодыми телесами озадаченных подписчиков и покупателей глянцевых журналов! Что бы сказали кумиры и учителя Ваши, такие, как Довженко, Ромм, да те же Ростоцкий, Чухрай, Бондарчук, увидев эти фотонеглиже? К сожалению, больше Вам показать нечего, а вот стеснение и стыд, оказывается, Вам не к лицу.

Да, в последнее время появились такие удачные, идущие вразрез с пошлейшей масскультурой фильмы, как «Война», «Звезда», «Кукушка». Но разве можно хоть как-то связывать их появление с заботами министра Швыдкого? Человек, заявивший на всю страну, что «русский фашизм страшнее немецкого», должен бояться этих патриотических лент, как бес ладана. А режиссер А. Рогожкин символизирует своим творчеством и независимой манерой поведения априорный протест против всего, что проповедует в своих шоу культурминистр.

Прозвучала из уст депутата Говорухина в том же панегирике Швыдкому чеканная фраза: «Россия поднимается с колен». У меня снова вопрос: «Где вы говорите правду, а где лжете, господин Говорухин?» Два года назад в фильме «Во-

рошиловский стрелок», встав на колено, одинокий старик метким выстрелом раздробил гениталии подонков, к сожалению, символизирующих молодую поросль России. И за два года вы так изменили свой взгляд на печальную картину российского быта, вызывающую в памяти библейское описание Содома и Гоморры? Посмотрев только что ваше интервью бронзового телеведущего с вертлявым шоуменом Фоменко, я понял, что вы лжете постоянно. Ведь это именно фоменки, ханги и дибровы воспитали подонков из вашего «Стрелка». Быстренько помогли молодежи сесть на иглу, утонуть в матерщине и похабщине, наплевать на всякие нормы морали. А вы с ним беседуете, словно с Олегом Стриженовым, Алексеем Баталовым, Василием Ливановым или Жераром Филиппом – подлинными кумирами нашей молодости, даривши-ми юным зрителям красоту, стремление к справедливости и желание помогать падшим. На мой вопрос о нищете наших музеев и библиотек, особенно в провинции, вы заявили, что с ранних лет путешествуете по России. Вы путешествуете, а я служу и работаю во всех ее древних музейных городах. Потому говорю вам, отвечая на свой же вопрос: «Так лгать нельзя!»

По окончании конференции поджидал я у парадного думского подъезда товарища и увидел, как холеный донельзя господин Говорухин поместился в комфортную «Ауди» с верным возницей и отправился продолжать путешествие по России. Так жить можно?

Кому ЧК, а кому мать родная?

Прежде чем задать этот волнующий меня вопрос и попытаться разобраться в сложных перипетиях, с ним связанных, скажу, положа руку на сердце, что кровавое «красное колесо» в страшной части нашей истории продолжает пластать меня по бренной родной земле не только горькой памятью о зверствах прародителей антирусского террора, но и мнимой бархатностью нынешнего уничтожения России, осуществляемого их не менее жестокими последователями, учениками, а иногда и просто родственниками по прямой.

Три основных составляющих русофобского террора коснулись меня отнюдь не косвенно. Одна половина моих дедов и прадедов – потомственные крестьяне из зажиточных слоев, умевших и мельницу поставить, и урожай богатый собрать, не прибегая к помощи наемных рабочих рук, обходясь своими недюжинными способностями и силой, отпущенной Богом; многие же из предков по материнской линии были верными слугами церкви, стойкими последователями старообрядчества. Разве можно мне забыть и простить тотальное уничтожение золотого фонда отечественного крестьянства, когда тридцать миллионов хранителей и кормителей России были сняты русоненавистниками с родных мест и истреблены физически?

А можно ли без содрогания перечитывать печальные мар-

тирологи убиенных священников, начиная от патриарха, митрополитов и кончая простыми церковными служками?

Только у бессердечного человека не подступит комок к горлу при воспоминаниях о сотнях батюшек, живыми зарытых в землю, или о талантливом русском писателе и просветителе М.О. Меньшикове, расстрелянном по личному приказанию Ленина на глазах у жены и малых детей.

Третий фактор продуманного уничтожения русской нации новоявленными Маратами и Робеспьерами – высылка на чужбину целого парохода с двумя тысячами самых одаренных наших мыслителей: физиков, математиков, философов, историков искусства, писателей. Там были учителя моих учителей, оставшихся в России, прошедших сквозь адские испытания ГУЛАГа и сумевших рассказать мне о светочах русской науки и искусства, которых ЧК отправил подальше от родных берегов.

Когда началась так называемая перестройка, я сначала удивлялся и задавал себе один вопрос за другим, читая регулярно рупор горбачевского синдиката лжи – «демократический» «Огонек», возглавлявшийся «пламенным революционером» Коротичем. Вроде братия эта – против коммунистов, большевиков, за свободу слова и чистоту дела, а герои их наскоро состряпанных разухабистых материалов, с пылу с жару варганившихся карауловыми, феликсами Медведевыми и иже с ними, – Бухарин, Лурье, Троцкий, Тухачевский, Свердлов – старатели, руки которых в крови мил-

лионов невинно убиенных русских людей. Значит, Орвелл в «Скотском хуторе» правильно заметил, что «все свиньи равны, но некоторые равнее».

Особое недоумение вызывало тогда, а нынче и совсем ставит в тупик отношение «свободолюбивых» представителей творческой интеллигенции, на дух не переносящих идей большевизма, поносящих Дзержинского и его контору на каждом углу, к одной из самых матерых чекисток – Лиле Брик.

И я прошу ответить на мой вопрос Майю Плисецкую, посвятившую самые теплые страницы своей биографической исповеди основоположнице ее брака с Родионом Щедриным – кровавой леди нашей революции. Сколько гневных слов встретит читатель в повествовании прославленной балерины в адрес ЧК и КГБ, а вот «мама Лиля», бывшая гражданской женой заместителя шефа НКВД Якова Сауловича Агранова, воздвигнута на пьедестал жены цезаря.

Квартира Бриков – грязный вертеп, которому и нынешние порносалоны могут завидовать, – давала приют продажному террористу Блюмкину, здесь готовились проскрипции на уничтожение лучших русских людей, сюда попал и нашел здесь свою погибель талантливейший, но мягкотелый Маяковский. Чувство брезгливости вызывает описание любовных треугольников, квадратов и прочих фигур извращений, царивших в «теремке» Бриков.

А как Майя Плисецкая восторгается сестрой Лилички –

Эльзой Триоле и ее мужем Арагоном! Забыв про свою антикоммунистическую озлобленность, поет балерина осанну сладкой парочке – столпам французской компартии.

Неужели тонкий парижский парфюм, ужины в хороших ресторанах так притупили классовую ненависть Плисецкой к коммунякам? Ведь страшнее и циничней французских левых тогда в мире не было. Недаром такие деятели культуры, как Пикассо, Ив Монтан, Симона Синьоре и другие их товарищи, вносившие огромные деньги на счета лидеров французской компартии, поняв, что их средства идут на обеспечение роскошной жизни Арагонов и Триоле, переходили в ряды итальянских коммунистов.

Так что же, уважаемая Майя Михайловна, вы обо всем этом не знали или просто запах духов «Chanel № 5», подаренных Эльзочкой, усыпил Вашу социальную бдительность?

С умершего режиссера Параджанова теперь не спросишь, за что он боготворил кровавую Лилю Брик. У одаренных людей свои причуды, хотя Пушкин и Лермонтов подобных палачей свободы и гения избегали.

А вот «благородный» наш Атос – актер Вениамин Смехов – целую пьесу о Лиле и Эльзе поставил и порадовал ею французов и русских. И куда девался у постановщика свободолюбивый дух любимовской Таганки, которой так мешала жить и творить простая русская женщина Екатерина Алексеевна Фурцева, а потом и ненавистный режиссер Эфрос? Вот сестрички Брики – это сама свобода, чистота и благородство.

Только как же быть с их столь пакостными биографиями и с памятью о замученных с их помощью людях?

А может, вам, господа демократы, ЧК действительно мать родная? Ну, скажем, как ее певцу Юлиану Семенову или друзьям его по перу?

Жду с нетерпением вашего ответа.

Так с кем же вы, мастера культуры?

Сейчас даже отнюдь не смышленому человеку понятно, чем обернулась для России бархатистая перестроечная революция конца прошлого века. В повседневном труде нарабатывавшиеся многострадальным нашим народом богатства пущены были на ветер комиссарами – исполнителями воли Лениных, Троцких, Свердловых и иже с ними. Растерзанная в клочья нация сумела за короткий срок воссоздать государственную мощь, удивив мир достижениями в экономике, науке и культуре. И снова воспитанные партячейками последователи «верных» марксистов без зазрения совести прихватизировали оставшееся бесхозным народное добро. Горбачев и Ельцин, словно зазомбированные, униженно взирали на стаи предприимчивых грабителей, провозглася страшный девиз «Берите, сколько сможете утащить». И утащили, оставив миллионы людей страдающими, преждевременно уходящими из жизни, погибающими в Чечне или от ножей и пуль разгулявшейся рвани, едва сводящими концы с концами.

Ну а что же наши славные мастера культуры? Наиболее хваткие и предприимчивые из них, объединенные умением снимать пенки далеко не с молока, прекрасно вписались в «демократическую» ситуацию. Собиравшиеся раньше на кухнях, за столиками творческих ресторанов, поигрывая в диссидентство, да только не вступая в конфликт с законом и

чураясь тюремного режима, на чем свет несли они Бондарчука, Бондарева, Пырьева, Хренникова и прочих коллег по цеху, имевших доступ к номенклатурным кладовым. Доставалось от них даже близко не допускавшимся к кормушке провинциальным талантливым самородкам Распутину, Носову, Белову, Астафьеву, сумевшим стать любимыми писателями русского народа. Ах, как хотелось обиженным и обойденным барской любовью творцам взять в свои руки ключи от спецраспределителей! Казалось, с юморком писал Окуджава в одной из песенок, как зайдет он со временем «К Белле (Ахмадулиной) в кабинет, заглянет к Фазилю (Искандеру)». И ведь дождался талантливый бард счастливых времен. Прежде всего дошел до ушей новых бар – ельцинской клики – кровожадный вопль Окуджавы, Мордюковой и других народных артистов СССР: «Раздавите гадину, дорогой Борис Николаевич!» Знали они – «гадины» типа Руцкого и Хасбулатова обижены не будут, а то, что сотни чистых, вовсе невинных людей погибнут в кромешном аду «Белого дома», их не волновало. Это Короленко, Чехов, Поленов, Серов и другие светочи нашей культуры плакали и отказывались от почетных званий и привилегий, увидев кровь на петербургском снегу в 1905 году. Нет, нынешние, наоборот, постарались урвать со стола распоясавшихся хозяев куски пожирнее.

Разве снились прошлым мастерам культуры панибратство и беззастенчивость нынешних «просветителей народных»? Я все время спрашиваю себя: когда они устанут увенчивать

друг друга бесконечными премиями, призами, титулами, денежными вознаграждениями и даже памятниками? Да-да, я не оговорился, именно памятниками!

Забыв о том, что во всем мире существует правило ставить монументы людям творческим лишь по прошествии полувекового срока, наскоро слепили они на Арбате скульптурный ансамбль в честь Окуджавы. Не беда, что чем-то напоминает статуя эта пошленькие памятнички дешевому проходимцу Остапу Бендеру. Порыв души поэта, призывавшего раздавить сотни людей в октябре 1993 года, сполна оплачен.

Удивляюсь я, как торопятся владельцы денежной массы в России воздвигнуть во что бы то ни стало и как можно скорее монумент другому поэтическому «классику» современности – Иосифу Бродскому. Советы, конкурсы, поспешные решения сопровождают порыв славильщиков стихотворца, о котором мудрая Ахматова, стареющая львица, позволяющая неуклюжим щенкам пошалить рядом с собой, прорекла библейски: «Какую биографию большевики делают Рыжему!» (К слову, нынешние постбольшевики у власти так же лепят славную судьбу Лимонову, далеко ее не заслуживающему!) Забыли инициаторы установки статуи Нобелевскому лауреату, среди которых интеллектуалы класса М. Пиотровского – верного «хранителя Эрмитажа», что нет в России памятников Пастернаку, Ахматовой, Цветаевой, Тютчеву, Шостаковичу, Прокофьеву, Станиславскому. Продолжение списка этого займет несколько строк. Забыли они

напрочь почти евангельские строки о том, что «быть знаменитым некрасиво». Да какое уж тут Евангелие, если во всеуслышание с экранов своего телевидения и со страниц собственных газет называют они себя «духовной элитой нации»! Титул сей прочно закрепился за «бессмертным» жюри премии «Триумф», возглавляемым делопроизводительницей Зоей Богуславской – верной музой Вознесенского-поэта. Бумажником сей премии, щедро оттопыренным г-ном Березовским, распоряжается один из верных слуг ельцинской семейки – Шабдурасулов. И ведь берут украденные у народа денежки элитные лауреаты. Как-то юная журналистка спросила у одного из «бессмертных» – Юрия Башмета (лет пятнадцать назад, посмотрев мои передачи об искусстве русской провинции, пригласил он меня в свою рубрику «Вокзал мечты», и о тех днях остались самые светлые воспоминания), не жгут ли руки лауреатов «березовые» деньги. Услышав ответ маэстро, я опешил. Он сравнил Березовского с властелинами Венгрии – Эстергази, платившими Паганини, и с баронессой фон Мекк, помогавшей любимому ею Чайковскому. Хорошо, что альтист Николая I, передававшего деньги Пушкину, не породнил с лондонским издателем «Колокола». Обжегся на денежках триумфальных В.П. Астафьев (Царствие ему Небесное). Получил десяточку тысяч грязно-зеленых и не заметил, как запел осанну ельцинской камарилье, потеряв такого друга, как совестливый русский талант Валентин Распутин. Совершив опрометчивый

сей шаг, жаловался он потом, что по ночам снится ему иркутский друг и, просыпаясь, он плачет, зная, что не может с ним поговорить.

С мастеров культуры не всегда строго спросишь – богема, понимаешь. Наши культуртрегеры берут деньги у криминала и заодно народ просвещают. «Пипл схавает», – как любит выражаться политидеолог нынешней России телеакадемик Познер.

Так с кем же вы, мастера культуры?

Телевидение, ты чье?

Недавно мне позвонил артист Валентин Гафт. Я люблю этого искреннего, взрывного, эмоционального, по-настоящему остроумного и отзывчивого человека, с которым знаком не один десяток лет.

Самобытный и одаренный актер одним из первых откликнулся на мой призыв почтить память величайшего творца отечественного кинематографа – Ивана Герасимовича Лапикова, написав для создаваемого музея волжского самородка проникнутое любовью эссе, где назвал его «Шаляпиным русского театра и кино». Посылая Валентину журнал «Север» с подборкой о Лапикове, я вложил в конверт несколько своих последних статей и интервью. «Старик, я полностью разделяю твои взгляды на окружающую нас действительность и боль за тяжкую судьбу нынешней России. – Взволнованный голос Гафта не оставлял сомнения в его неподдельном переживании, созвучном моему душевному настрою. – Только почему ты печатаешься лишь в «Литературке» и «Завтра»? Надо рассказывать об этом на телевидении, ведь когда-то твоя программа на ЦТ пользовалась успехом у зрителей».

Дорогой Валя, извини, на твое искреннее пожелание видеть меня на телевидении могу ответить лишь массой вопросов, возникающих всякий раз, когда включаю я «глупый

ящик для идиотов».

Почему, скажи мне, Валентин, с утра до вечера не вылезают из телекоробки бездарные люди, старающиеся зрителя рассмешить? Ведь только зазомбированные люди могут без чувства брезгливости смотреть на пошлые потуги казаться остроумными всяких аркановых, винокуров, Ширвиндтов, петросянов с женами, уставшего от незаслуженной популярности Жванецкого с засаленными листочками, по которым читает он полувековой давности протухшие остроты. Не странно тебе смотреть, как разомлевшая от летней жары аншлаговая компания Дубовицкой, обнажив свои не первой свежести телеса, пудрит мозги жителям русской провинции в страдную пору, когда нужно урожай собирать, а не Кларой Новиковой и Шифриным быть облапошенными? А стал бы ты за обеденным столом шутить с Новоженовым, человеком, лишенным не только чувства юмора, но и абсолютно серым и скучным? А не хочется ли тебе сказать все, что ты о нем думаешь, ростовскому полуплейбою Диброву, путающему Толстого с Достоевским, Москву с Петербургом, но чувствующему себя на равных с людьми значительными, талантливыми и действительно умными? Мне кажется, окажись на его передаче сам Бог, он и его, похлопав по плечу, опустил бы до уровня своих заказчиков образца Гусинского или Эрнста.

Талантливый русский композитор Валерий Гаврилин еще лет тридцать назад написал, что чем хуже жизнь в стране, тем

больше пошлого юмора на сцене. Что бы он сказал нынче?

А не устал ли ты, дорогой Валентин, от постоянной лжи телевизионных гуру образца Киселева, Познера, Сванидзе и им подобных? Не вздрагиваешь ли ты, когда Познер, еще лет пятнадцать назад поливавший Америку зловонной грязью, требует теперь от нас жить по стандартам второй его родины? Не страшно ли тебе было слышать его, когда он назвал свою передачу о гибели «Курска» творческой удачей? Меня, например, корчит, когда я вижу его змееподобную улыбку, сопровождающую размышления главного телеакадемика, вещающего о том, какие нынче «Времена». А сколько у этого раздавальщика тэфиевых статуэток апологетов и последователей!

Случилось мне в день начала варварского вторжения бушевских стервятников в Ирак оказаться в Афинах. Греческое телевидение по всем каналам передавало гневные и высокопрофессиональные репортажи своих корреспондентов, на экранах постоянно высвечивались логотипы: «Боже, покарай варваров!», «Господи, помоги невинным жителям Ирака!», «Когда кончится этот кошмар?» Улицы Афин, прилегающие к американскому посольству, осаждали десятки тысяч протестующих против варваров XXI века.

А на нашем «самом первом» канале доморощенная Шарон Стоун – Сорокина посадила на судейские скамейки пронафталиненных маргиналов: образца предателя всего и вся экс-министра иностранных дел Козырева, уставшего от соб-

ственной правоты и непогрешимости псевдокоммунистического глашатая Бовина. Не моргнув глазом, пропели они осанну любимцам своим американским и убедили зрителей, что для России иракский кризис опасности не представляет, коснуться нас не должен и «любимый город может спать спокойно». И сколько радости было в глазах бывшей теленапарницы циника и лгуна Невзорова, как упивалось сие невинное дитя медоточивыми излияниями ничтожных своих кумиров!

А не хочется ли тебе, Валентин, сказать пару ласковых слов ослизшему от лжи Караулову, беззастенчиво нацепившему на свой парадный мундир орден кавалера «Момента истины»? Этот пай-мальчик, наделав столько пакостей на заре становления в России воровской рыночной экономики и эрзац-демократии, упивавшийся поступками клики Ельцина и восторгавшийся кумирами образца лживой сирены Митковой, обличает теперь жуликов, переживает за народ и, вместе со своим крокодилом, съев немереное количество народных денег (на честно заработанные его супердачу не приобретешь), льет ручьями фальшивые слезы. Задавался ли ты, Валентин, вопросом, почему нашими телесобеседниками являются только обозначенные мной выскочки, не дающие и слова сказать людям с иными взглядами, убеждениями и манерой держаться? Когда ты в последний раз видел на экране Валентина Распутина, Василия Белова, Александра Солженицына, когда слышал с экрана о Владимире Макси-

мове, Леониде Бородине, Татьяне Глушковой (куда уж нынешним обласканным и увешанным премиями поэтам до ее стихотворения «Когда не стало Родины моей…»), Александре Гинзбурге, Владимире Осипове? Зато, словно больного касторкой, пичкает нас канал «Культура» аморфной болтовней пошляка Ерофеева, откровениями неоткровенного Войновича, а самое страшное – фиглярскими шоу министра Швыдкого? Не охватывает ли тебя ужас, когда ты читаешь еженедельные заголовки в телепрограммах: «Русский язык без мата не существует», «В России любят только за деньги», «Музеи – кладбище культуры», «Русский фашизм страшнее немецкого»? Я не трусливый человек, но я боюсь этих передач, ибо они напоминают мне сцены из фильма «Кабаре» и обстановку в Германии начала тридцатых годов прошлого века, – а ты знаешь, к чему привели выходки тогдашних швыдких.

Чаша моего терпения переполнилась при лицезрении последнего министерского прикола под названием «Журналистам русский язык не нужен». Какие-то временщики оплевывали самое святое, что нам дано от Бога, – слово, которое было в начале начал. И шоумен-министр скалозубил вместе с «образованцами», поддакивал им, вместо того, чтобы возбудить уголовное дело в защиту отечественной словесности. А резюме сего непотребного зрелища, прозвучавшее из уст министра, не поддается описанию. Согласно министерской логике, вся история становления русского языка зиждется на

варваризации «великого и могучего» каждым последующим поколением писателей и поэтов. А самый главный варвар, оказывается, «наше все» – Александр Пушкин. Варвар по отношению к Гавриле Романовичу Державину; варвар, коленопреклоненный перед певцом Фелицы; варвар, с юношеской пылкостью воскликнувший: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил!»

Поверь мне, Валентин, когда я смотрел издевательскую вакханалию над русским языком, слезы подступали к горлу и слышалось мне: «Распни его, распни!» Успокоился я лишь на следующий день, когда получил очередной номер стоящего на страже традиций родного языка журнала «Север», где были опубликованы последние стихи иеромонаха Романа, и среди них четверостишие «Родная речь».

Родная речь – Отечеству основа.
Не замути Божественный родник,
Храни себя: душа рождает слово,
Великий святорусский наш язык.

Словами псковского подвижника и обережемся, Валентин, от суетливых нечестивцев, прячущих под псевдокультурной личиной непотребство и цинизм.

Так чье же ты, «родное» телевидение?

Кадры решают все?

Когда пришла на нашу землю давно готовившаяся «друзьями» из дальнего зарубежья перестройка, далеко не все переполнились радостью в предчувствии грядущих перемен и впали в эйфорию, слушая неприличную болтовню заведенного болванчика Горбачева и сладкоголосых сирен из его окружения. Мне, например, довольно-таки быстро стало ясно, что разрушение основ государственности и православия, начатое террористами-бомбистами и продолженное компанией «Троцкий, Свердлов и иже с ними», вступило в новую фазу, подкрепленное всесильными современными средствами массовой информации, попавшими в руки внуков и правнуков творцов «Красного колеса». Нет, не стали ориентироваться торговцы цветами, бракоразводные юристы и разложившиеся комсомольские вожаки на тех старших товарищей, которые в непростые для страны времена строили электростанции, могучие заводы, осваивали богатые месторождения, сломали хребет фашистским захватчикам, создали атомное и водородное оружие, завоевали космос, покорили мир неповторимым искусством, продемонстрировали великую спортивную мощь, создали первоклассные образцы литературы и поэзии. Получив команду «фас» – «Тащите, сколько хотите!» – они постарались убрать с руководящих постов в первую очередь честных, высокопрофесси-

ональных и принципиальных специалистов, поставив на их место недоучек, хапуг, холуев, готовых за пачки зелени на любое предательство и лизоблюдство.

Когда я, ошарашенный неразборчивостью перестройщиков, постарался в своих статьях и интервью оградить от клеветнических и злобных выпадов истерических демократов таких высокопорядочных коммунистов, как Н.И. Рыжков, С.А.

Купреев, Г.А. Сазонтов и В.Г. Кириллов-Угрюмов, то в Фонде культуры с подачи его тогдашнего председателя Д.С. Лихачева, духовного отца и защитника полукоммуниста, полуболтуна и полного творца криминального Петербурга – Собчака, меня обозвали «Анпиловым». А я не переставал удивляться, видя рядом с Горбачевым и Ельциным таких лакеев, как некий холеный господин Игнатенко, сумевший получить незаслуженные, а впрочем, может, и «заслуженные» награды от Суслова и Брежнева, и теперь, развалив такую мощную медиаимперию, как ТАСС, продолжающего ластиться к властям предержащим, открывать фестивали, получать на грудь очередные знаки отличия. И что-то его сотоварищи по «Комсомолке» не удивляются хамелеонообразному лицедею, а поливают грязью честных, бескомпромиссных писателей, ученых и художников. Рука руку моет, да «черного кобеля не отмоешь добела».

Какие сегодня «кадры решают все», хочу я спросить у демократичного до шоуменской развязности г-на Швыдко-

го, при одном упоминании о тоталитарном прошлом делающего кислую мину. Вот, к примеру, возглавляет Музей искусств народов Востока г-н Набатчиков. Не может министр не знать, кем он был в те годы, когда нынешняя «телезвезда» работал в журнале «Театр», а уже его подчиненные, ведающие изобразительным искусством в министерстве, выступали с г-ном Набатчиковым на одной площадке. Курируя в гришинском горкоме КПСС художников, был сей далекий от искусства Востока, да и Запада тоже, господин грозой и одновременно посмешищем для мастеров кисти и карандаша. Я не с чужих слов это знаю, ибо сам терпел домогательства от сего «кувшинного рыла». Бумажки наши на очередные звания проходили через его липкие руки. И никакие рекомендации, никакие заступничества не помогали, если Набатчиков не даст «добро». С.А. Купреев, тогдашний первый секретарь Бауманского райкома КПСС, помогший выжить не одному десятку талантливых художников, писателей и журналистов, сказал мне однажды: «Набатчикова не копай, так завоняет, что к Брежневу придется идти за правдой». А подручных того же Швыдкого по сохранению и перемещению культурных ценностей возглавляет господин Вилков, служивший ранее в аппарате ЦК ВЛКСМ. Помню, когда получали мы премию Ленинского комсомола (которой горжусь, ибо присудили ее мне наряду с Сергеем Аверинцевым, Владимиром Васильевым, Ярославом Голованом) за сохранение этих самых ценностей, он ведал нашими бумажками и был предель-

но услужлив. А теперь, занимаясь проблемами, о которых и понятия не имел в прошлой жизни, за советом к нам обратиться не спешит, ибо не нужны ему советы специалистов. Мол, «сам с усам», а как себя вести в нынешней ситуации, быстро смикитил. Поговорил я с его бывшим шефом, первым секретарем ЦК, В.М. Мишиным, попросив вразумить не в меру ретивого «искусствоведа». Но «мишенькин совет» лишь попусту прошел.

Еще один верный швыдковский кадр из тоталитарного прошлого – верный заместитель г-н Хорошилов. Был секретарем коммунистов в отделе ИЗО Минкультуры СССР, а нынче какой мистер Твистер, лучший немец после Горбачева, готовый «Бременскую коллекцию» в чемодане в Германию отвезти. А его начальник, бывший по ИЗО, непотопляемый Генрих Попов, как колобок, везде побывав и всюду напакостив, осел замом у г-на Набатчикова в музее Востока, а Восток – дело тонкое.

Вопросы мои сегодняшние относительно «кадров, решающих все» навеяны исключительно личными знакомствами и хорошим знанием этих самых кадров. Вот наиболее яркий пример.

Учился я на историческом факультете МГУ с неким господином Воробьевым: он – по археологической части, я – по искусствоведческой. Археолога из него не получилось, хотя и женился он на умной девушке, ставшей вместо него крупным специалистом в археологической науке и уступившей

впоследствии супружеское место молодой воробьевской секретарше. Но против желания не попрешь, а «седина в голову – бес в ребро». Потерпел я от этого неудачного археолога немерено. Пришел он к нам во Всероссийский реставрационный центр на скромную, хотя и ответственную должность главного хранителя. «Молчалинское» дарование вознесло Воробьева сначала на директорский трон, потом в мягкое кресло начальника главка ИЗО в российском Минкультуры. Поддержанный таким же, как он, чинушей-министром Ю. Мелентьевым, а еще и зампредом Совмина России В. Кочемасовым, гадил он мне, где только можно и как только можно. Будет время, рассказ об этом напишу, уж больно поучительны подлые историйки, с Воробьевым связанные. Покровитель Слава Кочемасов уехал послом в ГДР, да и «Молчалина» с собой прихватил, доведя его до высот небесных – «Дома культуры России в ГДР», где Воробьев снова оказался административно востребованным. Думал я, что не придется мне, к счастью, о нем больше слышать. Но человек предполагает, а Бог располагает. Жив курилка!

«Центр содействия экспертным исследованиям культурных и художественных ценностей «Знаточество». Курсы по антиквариату». Проспект этого центра принесли мне коллеги со стендов антикварного салона. За шесть месяцев на дневных занятиях и 12 – на вечерних слушателям выдаются государственные дипломы по специализациям: «Оценка стоимости предметов антиквариата и изобразительного искус-

ства» и «Искусствовед-специалист по антиквариату». Придется вам, дорогие любители старины, пользоваться услугами скороспелых знатоков, за короткий срок нахватавшихся верхушек на курсах, руководит которыми Виталий Петрович Воробьев!!! Да-да, тот самый, который в проблемах антиквариата разбирается так же, как в апельсинах. Но кому-то выгодно его присутствие на антикварном рынке. Говорят, у него прямой контакт с русскими отделами аукционов «Кристи» и «Сотби». Бедные господа лондонцы, будьте особо внимательны во время таких контактов. Кадры решают все???

Кому и кто памятники воздвигает нерукотворные?

Самые разные вопросы не перестают преследовать меня, простодушного. И, как правило, связаны они с конкретными проявлениями быстротекущей жизни. Десант, который удалось нам счастливо «забросить» во Псков накануне его 1100-летия, поздним уже вечером передислоцировался из древнего города в Святые Горы, к землям ганнибаловским и пушкинским. Основная группа десантников, состоящая из Г.С. Жженова, В.И. Юсова, В.И. Старшинова и политического тяжеловеса М.Е. Николаева, заместителя председателя Совета Федерации, уместилась в микроавтобусе, а мы с гостеприимным В.Я. Курбатовым шли в авангарде на надежной «Ниве», профессионально ведомой тележурналистом В.С. Правдюком. Стена изливающегося третий день июньского дождя не помешала вседорожнику свернуть с трассы там, где был указан путь к мемориалу, установленному в районе трагической гибели выдающегося летчика, одного из столпов отечественной военно-морской авиации, Героя России Тимура Апакидзе.

Каким простым и значительным предстал перед нами символ памяти бесстрашному воину и человеку среди псковского многотравья и омытых дождями лесов! Я плакал, когда увидел два года назад скупые телесообщения о внезап-

ной катастрофе, унесшей жизнь еще одного из настоящих людей России. Затерялись тогда скупые кадры в калейдоскопе беспардонных телешоу и болтовне временных хозяев жизни. Не было и намека на подлинную скорбь в том сообщении, профессионально озвученном дикторами-щелкунчиками. Да хорошо хоть не обошли вовсе молчанием, как забыли про геройский поступок молодого русского воина Евгения Родионова, отказавшегося снять православный крест с груди и принявшего мученическую смерть от рук бандитов в окровавленной Чечне. Так же, как и псковский мемориал, скромна его могила, появившаяся благодаря подвигу матери, не один месяц рисковавшей жизнью и с Божией помощью получившей сыновьи останки у басаевских отморозков.

Возвращаясь к машине, мы сначала молчали, а потом задались вопросом: почему, когда умирает незадачливый сатирик-драматург, скопировавший несколько пьес с различных классиков, телеящик месяцами заставляет нас скорбеть о невосполнимой утрате? Случайно подсевший в самолет к нефтяному королю Зие Бажаеву предприимчивый и везучий журналист, мальчик из благополучной семьи Артем Боровик погиб в результате технических неполадок машины. Понятна и разделима скорбь родных и близких по ушедшему безвременно сыну, отцу, мужу. Но сколько же месяцев изо дня в день газеты и электронные СМИ безрезультатно искали злую руку террористов и, не найдя ее, устраивали многолетние пышные поминки на виду у всей страны, открывали парк

имени Темы Боровика, создали фонд, ему посвященный. А папа Боровик, ловко вписавшийся во все режимы – от Хрущева до Ельцина, – делал из личной трагедии журналистское шоу, забыв о таинстве и непостижимости сути человеческой жизни и смерти. Поняли мы под тем июньским ливнем, что памятники Тимуру Апакидзе и Евгению Родионову (кстати, в церковных лавках сегодня продаются жизнеописания воина-мученика) нерукотворны, ибо они от Бога, а не от лукавого, и посему станут путеводными звездами для нарождающейся в глубинке молодой и не тронутой ржой России.

Лукавый так и старается опошлить любое, самое светлое событие. Даже 1100-летний юбилей Пскова. Вот уже полгода пытаемся мы доказать местным властям, что нельзя в рамках одного торжества открывать одновременно два памятника основательнице города Святой Равноапостольной Княгине Ольге. Да они и не виноваты, псковские начальники. Я знаю, что губернатор Е.Э. Михайлов как мог отбивался от «подарков» московских ваятелей З. Церетели и В. Клыкова. Самый веский аргумент «данайцев, дары приносящих»: монументы устанавливаются безвозмездно. Безвозмездно для Пскова, но ведь кто-то их оплатит, ибо справедливы слова, свидетельствующие о том, что «сколько от одного места убудет, столько в другом – прибудет». Может, не надо москвичам из жителей славного города-юбиляра делать земляков щедринского Глупова, а на то, что «прибудет», отреставрировать разрушающиеся нерукотворные памятники св. Ольге

– древние псковские храмы? Один же из наспех варганящихся монументов, наоборот, полностью закроет часть исторической застройки города, где рядом красуются жемчужины русской архитектуры XV—XVI веков – храмы Василия на Горке и Николы со Усохи. Но кто в чаду охватившей страну монументальной пропаганды зрит в исторические корни? Разве подумал скульптор А. Рукавишников, сажая в неприличной позе Ф.М. Достоевского у входа в Государственную библиотеку, как скромный до болезненности писатель отнесся бы к идее быть дважды увековеченным в Москве, где он только родился и жил маленьким? Да ведь у отчего его дома уже стоит прекрасное изваяние русского гения. А что бы сказал М.А. Булгаков по поводу уничтожения Патриарших прудов во имя несуразной скульптурной композиции того же автора, проникнутой духом бесовства? Спасибо московским старожилам, под колеса грузовиков со строительными материалами легшим и прекратившим надругательство над первопрестольной.

В дореволюционной России наиболее значимые памятники строили на собиравшиеся народом пожертвования. Жертвователи и выбирали лучший проект и наиболее полюбившегося скульптора. А разве спросили у народа культуртрегеры из «Альфа-банка» и американского Гугенхаймовского центра, нужно ли увековечивать столь поспешно образ поэта И. Бродского, когда прошло так мало лет со дня его кончины, и неизвестно, будет ли он знаковой фигурой для отече-

ственной культуры. А вот накануне 200-летнего юбилея подлинного исполина русской поэзии, выдающегося дипломата и общественного деятеля Ф.И. Тютчева пустует роскошный двор тютчевской усадьбы в Армянском переулке. Слышал я, что и бюст поэту готов, да что-то не торопится руководство Детского фонда, уютно осевшее в покоях дворца поэта, объявить о сроке открытия памятника. Зато как поспешно «лудит» неутомимый и плодовитый Шемякин изваяние бракоразводного юриста, основателя нынешнего воспетого миллионами детективных книжонок Санкт-Петербурга – г-на Собчака!

Понятно, «заморский Микеланджело» благодарен шилу, которое поменяли на мыло. Прежние хозяева города его гондобили, как могли, а нынешние – на руках носят. Но разве личные пристрастия приводят к нерукотворным свершениям мастеров искусства? Может, лучше было бы поставить памятник Блоку, или Шостаковичу, или Станиславскому? Сегодняшние же демократические пристрастия Шемякина смахивают на захоронение одного из питерских криминальных авторитетов в пещерах Псково-Печерского монастыря, в которых до того погребали лишь здешних монахов, а в средние века – представителей фамилии Пушкиных, Скобельцыных и других славных псковичей.

Другой «земляк» Шемякина, Эрнст Неизвестный, широко развернувшийся при установке магаданского мемориала жертвам ГУЛАГа, не уступив по размаху и мощи неза-

бвенному Е.В. Вучетичу, нынче готовит проект «Памятника водке». Да-да, водке, господа, в древнем Угличе, где одна из самых страшных проблем нынче – всенародный бич пьянства. Заокеанскому просветителю, на которого молится местное начальство (как же: у них есть – и они им гордятся не меньше, чем древними церквями, – музей водки!), плевать на наши проблемы. Главное – авторское честолюбие потешить. Тем более прецедент имеется – болванчики в честь всероссийского алкоголика Венечки Ерофеева уже установлены на трассе «Москва – Петушки». В.П. Астафьев, сам человек пивший немало, чуть ли не плевался, предавая остракизму прославление сошедшего с круга горе-писателя. А вот на днях еще один полуамериканец, поэт-вития Евтушенко написал, что Венедикт Ерофеев пребывает в одном пантеоне с Гоголем, а вот мелкотравчатый Виктор Ерофеев (и придумает же Бог такое совпадение фамилий) достоин лишь участи пошлейшего «Вечного зова», сотворенного А. Ивановым. Но уж популярность ивановской эпопеи в прежние времена перекрывала временную славу Евтушенко и иже с ним, да и по сей день телевизионные рейтинги «Вечного зова» необычайно высоки.

Понимая, что вразумительных ответов на мои простодушные вопросы я от упомянутых творцов не дождусь, хочу напомнить им анекдот про И.С. Тургенева, «который написал «Муму», а памятник поставили совсем другому человеку».

Может, ты, дорогой читатель, ответишь, кто памятники

себе творит нерукотворные?

Зачем распинать любовь земную?

Вообще-то я сегодня хотел озадачить читателя и своих «героев» совсем другим вопросом. Но, вернувшись в Москву после полуторамесячного счастья жить в Михайловском и Изборске, включил телевизор и вместо новостей наткнулся на самую пошлую после, конечно, швыдковской выгребной ямы, передачку «Апокриф». А там, в продолжение зимней программы шоу-министра «В России секса нет», та же сладострастная, циничная и очень некрасивая тусовка обсуждала проблемы любви с точки зрения сексопатологов, гинекологов и «духовной» нашей «элиты». Ну, меня и прорвало, а вопросы так и полезли в голову, один страшнее другого.

Раньше меня, много лет работавшего на ТВ, возмущала цензура, запрещавшая показывать в кадре храмы с крестами, называть иконы иконами, а не картинами, восторгаться красотою русского лада и старыми культурными традициями. Теперь ясно, как так называемые коммунисты – ярославский мужик А. Яковлев и промозглый коминтерновец Б. Пономарев – рьяно ненавидели все русское и ставили нам палки в колеса.

Где же теперь те цензоры? Передачу «Апокриф», одурманивающую нашу молодежь, ведет как бы писатель Виктор Ерофеев! Человек, явно нуждающийся в услугах психотерапевта по части сексуальной неуравновешенности и ущерб-

ности, изливает свои неудовлетворенные мужские амбиции на страницы пошлых книг и на головы бедных российских зрителей. Не стану пересказывать его литературные и журналистские заморочки, дабы пощадить своего нерастленного читателя. Но для цензоров из нашего «министерства правды» приведу один из ерофеевских перлов, напечатанных на люксовой бумаге журнала «Огонек». Витенька влюблен в очередную половую машинку, может, даже и несовершеннолетнюю, но познавшую всю закулисную сторону современного секса. И с каким восхищением ее кавалер пишет о «художественном» шедевре своей партнерши (а она, конечно же, гениальный фотограф!), висящем в их спальне. А на том фотошедевре с помощью лучшей съемочной техники изображена плавающая в моче прокладка, да еще, как настойчиво подчеркивает автор, брошенная в шикарный заграничный унитаз.

Прости меня, читатель! Но хочу спросить вместе с тобой у «министра правды» г-на Лесина: назначая нынче В. Ерофеева руководителем нашей делегации на Франкфуртскую книжную ярмарку, вы справку о состоянии психического здоровья и разрешение из милиции от него потребовали?

Журнал «Огонек» до последнего времени был собственностью сладкой парочки Юмашев – Дьяченко. Понятно, что Валя, отираясь в комсомольской прессе, попривык к пошлятине «а-ля Ерофеев», но откуда у дочки свердловского

партийного царька и такой чистой и простоватой на вид мамочки жгучая любовь к чернухе (кстати, фамилия редактора журнала «Огонек» – Чернов), которой залиты страницы некогда самого читаемого периодического издания? Для своих передач, порочащих любовь земную, а о существовании любви небесной они, скорее всего, и не догадываются, Швыдкой и Ерофеев избрали жриц и одновременно «богинь» любви – певицу Машу Распутину и актрису Елену Кондулайнен. А вокруг сих дамочек сидели, пуская сладострастные слюни, растлители: сексопатологи, поэты, журналисты, политики, власть предержащие и их помощники. Напоминали эти камланья Сусанну перед фарисейскими старцами, а одновременно онегинских собутыльников из страшного сна Татьяны:

Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордой,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

В швыдковской сексуальной провокации простая, как три копейки, Маша Распутина расправилась со старцами на раз. Обратившись к их совести и чести, прямолинейная дама буквально на пальцах доказала нечистоплотность, растленность своих оппонентов и призвала их строго соблюдать

принципы христианской морали. Да-да!

А вот госпожа Кондулайнен – особа со специфическим менталитетом – ничтоже сумняшеся продекларировала моральную свою позицию о счастье любить одновременно двоих и даже троих мужчин. Ну прямо мини-публичный дом в телеящике! И когда ведущий телеминистр, комментируя высказывания своих подельников в кадре, заявляет, что в Советском Союзе секса не было, невольно с ним соглашаешься. Да, к огромному счастью, такого разнузданного секса, а скорее свального греха, которым заливают нас смердящие нынешние газетенки, журналы и электронные СМИ, в нашей молодости не было и быть не могло. Но зато была истинная земная любовь, питаемая здоровыми жизненными соками, подлинной романтикой, возвышенная и чистая.

А сколько изысканного секса в таких фильмах, как «Сорок первый», «Летят журавли», «Баллада о солдате»! Татьяне Самойловой и Алексею Баталову, Изольде Извицкой и Владимиру Ивашову не надо было раздеваться и имитировать плотские страсти. После их любовных коллизий хотелось стать похожими на красивых и одухотворенных героев, искать свое счастье, мечтать о единственном, навеки близком человеке. А какими совершенными, неповторимыми в своем внешнем и внутреннем обаянии были наши кумиры! Олег Стриженов и Жан Габен, Алексей Баталов и Ив Монтан, Татьяна Самойлова и Николь Курсель, тогдашняя Людмила Гурченко и Роми Шнайдер. Моя дочь и сейчас, про-

сматривая старые фильмы и читая книги о звездах тех лет, говорит мне о своей зависти к нашему времени. Для меня эталоном мужской красоты и возвышенности навсегда останутся герои фильма «Слепой музыкант» – отец и сын Ливановы, настоящие представители русской интеллигенции, наследники великой театральной школы, эмоциональные и тонкие, «их величества актеры».

Хочу спросить у издателей глянцевых журналов: зачем они копаются, словно мухи в навозе, в запретных страничках биографий известных артистов, писателей, художников, спортсменов? У каждого, даже самого великого творца, есть человеческие слабости, каждый имеет право на ошибку. Но когда их дети, жены и мужья перетряхивают на глазах у всего честного народа постельное белье своих близких, хочется крикнуть им: «Очнитесь!» И уж совсем противно, когда достигшие каких-то вершин в творчестве «культурные» деятели раздеваются догола сами и показывают раздетыми своих сожительниц и сожителей. Особенно мерзко, когда авторами таких приторных и липких книжонок выступают представители славных русских семей. В последнем письме ко мне Валентин Распутин заметил, что такие авторы вываливают перед всеми чрева, выдаваемые за автобиографии.

В наши годы было немало красавиц, перед которыми снимали шляпу и великие западные писатели, кинорежиссеры и художники, сравнивая их с Софи Лорен, Сильваной Мангано и Клаудиа Кардинале. Они сводили нас с ума, вдохнов-

ляли на подлинное творчество, облагораживали серую будничную жизнь. К счастью, некоторые из них, воспитавшие детей и радующиеся семейному счастью, не клюют на предложения от караванов гламурных журнальчиков позабавить читателей сплетнями из прежней любовной лирики. Одна из таких московских красавиц, которую я боготворил, на настойчивые просьбы сладострастных хозяев полуинтимного журнала рассказать о нашем романе ответила: «У меня для вас не найдется «жареных» подробностей. Наша любовь была чистой и простой. Разве интересны вам рассказы о наших прогулках по улочкам тихого Суздаля, поцелуй в многотравье псковских лугов или купание у стен Юрьева монастыря в Новгороде? А остальное у нас было, как у всех порядочных людей – чисто, здорово и до слез проникновенно». Так что, господа Швыдкие, Ерофеевы и прочие сексострадатели, учтите, что не все клюют на вашу тлетворно пахнущую наживку. Надеюсь, что и молодежь испытывает к вам отвращение и вырубает кнопку никчемных программ.

Сегодня мне особенно противно быть современником поругателей земной любви. «На старости я сызнова живу», ибо боготворю женщину, о которой мечтал всю жизнь. Красивую, тонкую, тактичную, до бесконечности изысканную и глубоко верующую. Я знаю, что ее никогда не потянет и посмотреть в сторону плейбоев типа Ерофеева и иже с ним. Но, перечитывая заново строки Данте, Петрарки, Пушкина, Тютчева, Рубцова и Глушковой, я хочу со свойственным мне

простодушием задать вопрос вертлявым шоуменам: «Когда вы кончите «кистью сонной рисунок гения чернить»? Когда вернетесь на свои домашние кухни и там дадите волю природной пошлости и никчемности?»

И какие песни нам поют?

И снова сиюминутные впечатления заставляют меня отступить от графика запланированных заранее простодушных вопросов. Уж больно они волнующие, эти впечатления, задевающие самые тонкие душевные струны, мешающие спокойно работать и спать.

В той поездке из Пскова в Михайловское, что привела меня к мемориалу летчика-героя Тимура Апакидзе и скрасила безрадостную картину нынешней пошловатой монументальной пропаганды, наш «водитель» Виктор Правдюк включил в машине кассету с программой талантливейшего русского певца Александра Подболотова и заставил на пару часов забыть обо всем на свете.

Четверть уже века назад (ох, как они быстро летят, отпущенные нам Богом годы!) на дне рождения Владимира Высоцкого, отмечавшемся им дома, в очень узком кругу, познакомился я с истинным художником-самородком. Обаятельный и улыбчивый парень готовил что-то на кухне, накрывал на стол и влюбленными глазами смотрел на хозяина-именинника. Признаюсь, что я принял его поначалу за преданного поклонника Володиного творчества, готового на все для своего кумира. «Сегодня у меня праздник, – сказал Володя, – и я решил сделать подарок себе и вам. И подарок этот из дорогих, ибо петь нам будет Александр Подболотов, которо-

му отпущен бесценный музыкальный дар». Высоцкий был человеком требовательным не только к себе, но и к людям, его окружавшим. Заинтригованные, мы с нетерпением ждали знакомства с приготовленным сюрпризом. Та ночь навсегда осталась у меня в памяти, а голос Подболотова, могучий и нежный одновременно, прозрачный, чистый, словно родник, по сей день звучит для меня, как одно из высочайших проявлений человеческих возможностей и совершенства.

Шли годы, и я все ждал, когда же на сцене Большого театра, на концертных площадках и в телевизионных передачах услышу неповторимый голос Подболотова. Но вместо подболотовских романсов угощали нас остывшими и не всегда вкусными музыкальными блюдами, сервированными посредственными, но сумевшими случайно попасть на бал удачи оборотистыми артистами. Чтобы хоть как-то противостоять приблатненной тогдашней телетусовке (хотя это были цветочки по сравнению с нынешней вампукой), включил я встречу с Александром в свою телепрограмму «Служенье муз не терпит суеты». Понимая, что мне одному, далекому от профессионального восприятия музыкальных тонкостей, с передачей не справиться, попросил я помощи у Виктора Правдюка. Съемку подболотовской программы мы решили провести во Пскове, на фоне старых архитектурных памятников, на живописных берегах Великой и Псковы.

На дворе стояло время срежиссированного ставропольским пустобрехом путча, прекрасно исполненного свердлов-

ским «Троекуровым» и его подельниками. Русские люди ужаснулись, увидев на трибуне «победителей» мегеру-воительницу Боннэр, возмущенную присутствием рядом с собой православного священника. Те, на ком держались еще основы жизнедеятельности и порядка в стране, подвергались освистыванию и улюлюканью. Один из таких профессионалов, с которым я имел счастье работать и дружить, сидел в дни путча под бутафорским арестом в своем кабинете. Посланный демшизовцами охранник, бывший его подчиненный, чувствовал себя неуклюже по крайней мере. Друг мой переживал случившееся как личную трагедию, ибо не видел выхода из создавшейся ситуации. Атмосфера в кабинете была удручающей. И тогда я вспомнил, что в полночь по ленинградской программе Виктор Правдюк покажет нашу часовую передачу о Подболотове. После первой же песни забыли мы о беспределе, охватившем страну, и погрузились в исцеляющую радость классических русских песен и романсов, которые исполнитель облек в совершенную форму, пропустив каждую из них через свою душу и передав слушателям тончайшие нюансы шедевров.

Новое время потребовало новых песен. Любимцы партийно-комсомольской элиты, обученные хапать лучшие куски с хозяйских столов, подсуетились, ловко вписались в число гостей на «пиру во время чумы» и породили такой шоу-бизнес, который лишь в страшном сне может предстать нормальному человеку. Эстрадная тусовка гуляла и гуляет от рубля и

выше, совершенствуясь в пошлости и цинизме. И уж ни за какие деньги не подпустит к себе на пушечный выстрел мастеров такого высокого ранга, как Александр Подболотов. Я не говорю сейчас о других русских талантах, но поверьте, их у нас совсем не мало.

Слушая вместе с друзьями подболотовский романс «По дороге в Загорск», который он всегда исполняет на бис, я прекрасно понимаю, каким диссонансом звучал бы он на любом из пошлейших юбилейных капустников, регулярно демонстрируемых по многу часов на телеэкране. Верхом такой беззастенчивой дешевки стало всенародное празднование полувекового существования на земле массовика-затейника Винокура. Собрались на этом шабаше «сливки» эстрады. Не беда, что продукт тот отнюдь не первой свежести. Зато сколько юмора, хамства и разнузданности продемонстрировали спавшие с голоса певцы, скучные до зевоты сатирики и плясуны, которым все мешает. Размаху того юбилея и любой вождь позавидовал бы. Пастернаковское «быть знаменитым некрасиво» гулякам сим незнакомо, ибо стихи большого поэта они слышали лишь в интерпретации своей мамы-примадонны Пугачевой. Ну да им это простительно, если уж эрудированный донельзя народный артист Табаков в те же дни несколько часов сидел на прославленной сцене МХАТа, пожирая в честь своего юбилея жареного поросенка на виду у всей российской телеаудитории, запивал его водкой, а в промежутках, вытерев сальные руки о камзол, принимая

поздравления от славильщиков, целовал их сальным ртом. Бедный Константин Сергеевич! Вот они, продолжатели великих Ваших традиций, не унаследовавшие ни на йоту благородство и красоту Вашу внутреннюю и внешнюю.

Когда Александр Подболотов поет «Ой, вы кони мои вороные» или «Замело тебя снегом, Россия», равнодушным может остаться лишь манекен. Мне всегда радостно наблюдать за настоящими писателями и художниками, профессиональными дипломатами и учеными с мировыми именами, впервые услышавшими подболотовский голос. Они удивляются, что он не поет перед широкой аудиторией. Радостно оттого, что талант Александра виден сразу, а грустно оттого, что не дают ему дороги к людям акулы сегодняшней «попсы». А с каким восторгом слушают самородка простые люди, скромные труженики!

Только что я вернулся из любимых моих Кижей, где уже полвека живу в заонежской деревне насупротив сказочного острова. За вечерним столом у наследников прославленного северного плотника Бориса Елупова воцарилась тишина, когда закрутились первые метры пленки подболотовской кассеты. Праздничный стол превратился в концертную аудиторию, ловящую каждый звук, каждую строчку классических романсов. Такое я видел лишь раз на одном из московских кинофестивалей, когда в пресс-баре гостиницы «Москва» сидевший за нашим столом выдающийся саксофонист Джерри Маллиган, одолжив у одного из ресторанных оркестран-

тов инструмент, на пару часов прекратил своей игрой танцы, разговоры и даже прием алкоголя. Мои кижские друзья, прослушав десятка два песен Александра Подболотова, порывались разбить телевизор, по которому им с утра до вечера показывают безголосых канареек, отвязанных музыкантов или блатную чернуху в исполнении псевдоинтеллектуалов на доморощенной «малине» под названием «В нашу гавань заходили корабли», куда не брезгует притащиться первый и последний президент СССР, устав от рекламы пиццы и пожирания ложками икры в низкопробных «элитарных» клубах.

Дорогой Саша, в жизни нашей очень много несправедливости, обмана и подлости. Но знай одно – Господь не дает нам испытаний тяжелее тех, которые мы можем вынести. Искусственное забвение, на которое пытаются обречь нынешние хозяева культурной жизни подлинных творцов, явление временное. Мне до боли обидно, что ни слова не говорят прикупленные СМИ о произведениях Василия Белова, Валентина Распутина, Виктора Лихоносова, Евгения Носова, Валентина Курбатова и других славных наших писателях, художниках, артистах, певцах. Я, человек, пристально следящий за любыми проявлениями отечественной культуры, только недавно открыл для себя талантливейшую русскую поэтессу Татьяну Глушкову. Перед ее дарованием блекнут навязываемые нам авторитеты стихотворцев-временщиков, удостаиваемых самыми лестными отзывами и многочисленными премиями. А талант Глушковой – подлинный, бескомп-

промиссный, знаковый – не по сердцу прислужникам псевдокоммунистов, рулящих Россией. Разве простят они ей огненные строчки «Когда не стало Родины моей…»? Но стоит им вспомнить, как не мил был поэтический дар Лермонтова толпе, жадно стоящей у трона. И твои песни, Александр, слушают люди, которым они близки и приятны, как близка и понятна Родина. Талант твой не исчезнет бесследно, несмотря на старания коллег-недоброжелателей, которым я хочу задать простодушный вопрос: «Нравятся вам крыловские строчки об исполнителях, меняющихся местами, чтобы сыграть хорошую музыку?» Думаю, что не нравятся. А вы что думаете, шоу-бизнесмены?

«Иных времен татары и монголы»?

Как быстро истаивают мои осенние заметки о летних поездках! Навряд ли до зимы удастся оставаться под впечатлениями, полученными в прохладных рощах Михайловского, у древних порубежных стен Изборской крепости, в дальних скитах Валаамского монастыря, во время вечерних бесед в доме наследников прославленного кижского плотника Бориса Елупова, что стоит на берегу Онежского озера, или в костромской деревне Рыжевке, где на высоченном обрыве над рекой Мерой построили свою скромную летнюю обитель прославленные мастера русского балета Володя Васильев и Катя Максимова.

Насмотревшись до отвала извержений чудовищного телеящика за годы болезни, я теперь стараюсь как можно реже нажимать на его стартовую кнопку. Но иногда, ткнувшись в «сокровищницу лжи и пороков», чтобы узнать последние новости или повосхищаться нашими футболистами, которые вдруг проявили невиданный патриотизм и немалое мастерство, когда их возглавил костромской мужик Георгий Ярцев, нет-нет да и не удерживался перед соблазном «посозерцать» монстров, прочно обосновавшихся на телевизионном пространстве России. Весной, вернувшись из поездки по Европе, где государственные, да и частные каналы являются образцом целомудрия, полез я в «наше все» и вме-

сто новостей увидел сразу во весь экран показанный голый зад Бори Моисеева. Именно зад показали папарацци Киселевского детища, дабы знали мы свое место под нынешним российским солнцем, где, понимаешь, демократии хоть залейся. А намедни мне повезло чуть больше, ибо вместо моисеевского седалища глянуло на меня лицо Жванецкого. И вспомнил я сразу частушку русскую про это самое лицо, которое узрел однажды его владелец в лесной луже и удивился.

Боже, ну сколько же можно пичкать уставший от бархатной революции народ насквозь прогнившими, подобранными на одесском привозе каламбурами доморощенного сатирика? Словно до неприличия раздувшаяся Царевна-Лягушка, вещает он с утра до ночи по всем программам. Меня и раньше тошнило от дешевенькой программки «Вокруг смеха», коей заправлял неистово ненавидящий все русское человек, почему-то носящий фамилию Иванов. А теперь вот этот, за тяжкие грехи наши повешенный на шею камень в виде лживого, слащавого и бездарного чревовещателя. Видимо, одураченный видом его засаленных шпаргалок шоу-ведущий Максимов, ничтоже сумняшеся, сравнил Михал Михалыча с Чеховым и Салтыковым-Щедриным, на что лауреат Президентской премии за достижения в области русской (да-да, русской!) литературы под номером один согласно улыбнулся. Ну, Максимов этот, напоминающий в своих «ночных полетах» летчика со злополучного корейского «боинга» (помню, как он терзал вопросами Евгения Колобова и

Максима Шостаковича в поисках гнилой «клубнички»), известен своей придумкой «дежурных по стране». Годами мы общались благодаря ему с дежурными по России Шифриным, Ширвиндтом, Аркановым, Хазановым, Арлазоровым, Карцевым и другими их земляками, напрасно ожидая, когда же своими переживаниями за судьбы многострадального Отечества поделятся Евгений Носов, Василий Белов, Валентин Распутин, Михаил Ножкин, Евгений Нефедов, Валентин Курбатов, Александр Солженицын, Валерий Ганичев или Александр Проханов. Не дождались, ибо, в конце концов, Максимов отрядил на постоянное дежурство одного Жванецкого. А тот в очередном словоблудии заявил во всеуслышание, что жизнь свою прожил по заветам дедушки, приказавшего ему идти только прямо, никому не угождая и ничего не вылизывая. Лоснящееся жирком мещанского благополучия лицо самозваного диссидента, «прямолинейного» и «принципиального», ну никак не гармонирует с изможденными лицами Леонида Бородина, Владимира Осипова, Марченко, Гинзбурга… И вспомнил я пышные застолья у партийцев, власть предержащих, которые, отрыгнув обильный ужин, позволяли Жванецкому потешить себя теми же шпаргалками, что он и по сей день достает из неопрятного своего портфеля. Я-то эту Царевну-Лягушку, которую со слезами на глазах в последней передаче актриса Селезнева воспела как неподражаемого лирика (Петрарка и Пушкин отдыхают), не понаслышке знал. В мою мастерскую приво-

лок его вездесущий журналист Рост. Он много кого ко мне таскал, да только один оказался замечательным человеком – Сергей Купреев, с которым мы дружили по-настоящему до трагической его гибели, произошедшей, как мне некоторые осведомленные люди говорят, не без участия «демократических» хозяев России. Время подтвердило сомнения, которые мне не раз высказывал добрейший и кристально чистый партийный чиновник Купреев по поводу перестройки. Представляю, что бы пережил Сережа, узнай он об участии демжурналиста вместе с Собчаком, Лихачевым и другими регионалами в фабрикации документа, опорочившего русских солдат, брошенных вместе с элитным генералом Родионовым умиротворять разбушевавшихся грузин. Представляю, какими словами сопроводил бы он телекартинки, на которых Рост выражает свое восхищение Эдиком Шеварднадзе, ненавидящим Россию до зубовного скрежета, или поздравляет с юбилеем злостную русофобку Боннэр, не поленившись для этого слетать в Нью-Йорк. Меня некоторые бывшие приятели, продолжающие таскаться на вечеринки к Росту, попрекают тем, что когда-то я с ним был близок, а теперь презираю его. Кто из нас не ошибался в молодости? А в мою мастерскую, наряду с замечательными людьми, немало и сброду просочилось. Да и горе-приятели эти не за дружбой ходили, а чтобы время убить да похалявничать. Некоторые из них теперь, подобно Росту, и со свечками в церкви стоят, а иногда рядом с церковными иерархами торжественные русские

собрания возглавляют, забыв при этом о милости к павшим и о подлинном всеотдачном творчестве.

Так вот в тот вечер выгнал я Жванецкого из мастерской. Сначала мои собутыльники, отличавшиеся подлинным чувством юмора, заставили его убрать шпаргалки в портфель и не портить атмосферу хорошего застолья. А когда тип сей, постоянно лапавший размалеванную девицу, пришедшую с ним, случайно обронил, что у него сегодня жена родила, я дал ему пять рублей на цветы и на такси и сказал, что в следующий раз за такой цинизм он получит по сусалам. Но он еще раз грязно отметился в моей жизни. Покойные мама и брат жили в квартире, расположенной этажом ниже обиталища Жванецкого. Делая ремонт, он поставил короб для сброса мусора на улицу. Пыль и сор попадали в мамино окно, и только несколько дней спустя она сказала мне, каким грязным матом крыл ее одесский литератор, когда она сделала ему замечание. На вопрос, почему она сразу не пришла за помощью ко мне, в соседний подъезд, мама сказала: «Убил бы ты его». Рассказывая про Жванецкого сейчас, я вспомнил, как несколько лет назад в передаче «Русский дом» ее ведущий Александр Крутов в беседе с кумиром нынешних религиозных обращенцев Ильей Глазуновым посетовал на подельника Жванецкого, «комика» Хазанова, сравнившего русских в своей репризе с приматами, только что спустившимися с дерева. И вы думаете, что маэстро возмутился таким оскорблением донельзя любимого им народа? Нет, он в

присущей ему манере попросил Крутова не трогать эстрадника, ибо они с ним близкие друзья. К сожалению, для многих псевдопатриотов хазановы подчас дороже истины.

А сейчас еще раз хочу покаяться в молодой неразборчивости своей при общении с людьми. Слабым утешением и оправданием могут служить доброта моя душевная и пылкая увлеченность каждым встреченным человеком. Я ведь и нынешнего шоу-министра Швыдкого подпустил к себе ближе, чем на пушечный выстрел. Снимал он с моей помощью телевизионный фильм о Бременской коллекции, и каталог выставки этого же собрания помогал я ему готовить к печати. Сохранились у меня вырезки газетные тех времен, где Швыдкой высказывает свое отношение к трофейным ценностям, хранящимся в России. Он точь-в-точь повторяет те слова и проповедует те постулаты, которые отстаивает Николай Губенко со своими единомышленниками. А почему Швыдкой сейчас готов все «бесплатно» отдать немцам и почему он предпочитает немецкий фашизм несуществующему русскому, спросите у него. А заодно спросите у журналиста Роста, почему он и его коллеги по «Общей» и «Новой» газетам промолчали, когда их покровительница Боннэр вместе с правозащитником Ковалевым устроили в Сахаровском центре выставку, поносящую православную веру и все христианство в целом. Ответьте мне, «иных времен татары и монголы», не стыдно после таких выставок свечки зажигать да наспех себя перекрещивать?

Есть ли у них совесть и стыд?

По правде сказать, люблю я осеннее возвращение к повседневной жизни. Какая-то особая энергия наполняет тебя в это время, хочется побыстрее приступить к осуществлению планов, задуманных на летнем досуге, и с головой окунуться в любимую работу. Вот и на этот раз начался мой трудовой процесс в буквальном смысле слова с места в карьер. Сотрудницы Ярославского художественного музея еще в прошлом году предложили сделать большую выставку, посвященную сорокалетию благородного труда московских, ярославских и костромских реставраторов по возвращению к жизни ценных памятников изобразительного искусства из местных музеев. Произведения иконописи XIV—XVIII веков, интереснейшие образцы русского провинциального портрета XVII—XIX веков, уникальное творческое наследие художника-просветителя Ефима Честнякова, нашего современника, работавшего в костромской глубинке, стали достоянием многомиллионной аудитории благодаря самоотверженной профессиональной деятельности художников-реставраторов и музейных работников. О выставке этой я могу говорить часами…

В те далекие уже по времени октябрьские дни 1993 года я следил за кровавой драмой, развернувшейся на улицах Москвы, а значит, и на всем российском пространстве, че-

рез телевизионную коробку. Болезнь не позволила мне принять участие в обуздании распоясавшихся убийц, поразивших своей кровожадностью и цинизмом всех здравомыслящих людей, за исключением, конечно же, наших записных полупрофессиональных правозащитников образца Ковалева и его сподручницы мадам Боннэр, сумевшей трансформировать благородные идеи Сахарова в человеконенавистничество, борьбу с православием и ничем не скрываемую русофобию. Поразило меня, с какой легкостью подмахнули тогда письмо-обращение к президенту-вурдалаку, засевшему с пьяной командой своей в Кремле, призывающее к физическому уничтожению живых людей. Я прекрасно понимал еще со времен путча, придуманного ставропольским полукрестьянином Горбачевым, что от называющих себя демократами, разгулявшихся от рубля и выше вершителей судеб Отечества добра ждать может лишь простофиля или жулик, на котором негде ставить пробу. Подло брошенные под танки организаторами бутафорского восстания молодые мальчишки вызывают и по сей день человеческое сожаление. А вот те, кто их заставил лечь под гусеницы машин, поддерживающих элементарный правопорядок в столице, должны не показные слезы перед телекамерами пускать, а привлечены быть непременно к уголовной ответственности.

Я уже в те годы развала нашей державы прекрасно знал истинную цену болтунам типа Руцкого, игравшего бравого генерала, а на самом деле напоминающего трусливую бабку

Маланью. Лицемерные, ненавидящие все русское регионалы устроили чудовищный фарс в Грузии, превративший некогда цветущий край в помойку для американских отходов и приют для предателя и мздоимца Шеварднадзе, также достойны самого сурового наказания за свои пролживленные отчеты и вранье перед журналистами. Не у академика Лихачева, возглавлявшего Советский фонд культуры и ловко его развалившего, нашел я, тогдашний член Президиума, поддержку и понимание в те жуткие дни. Когда академик восторгался Собчаком и его подельниками, Владимир Максимов, диссидент, как говорится, из первой тройки, заявил в наших с ним телеинтервью, что у него руки опускаются при виде стоящих у государственного кормила бракоразводных юристов (Собчака), торговцев цветами (Чубайса) и годящегося разве что разливать пиво в ларьке Шумейко (все эпитеты максимовские. – *С.Я.).* Сколько их, персонажей нелицеприятного карнавала, пронеслось тогда перед пораженными зрителями. Шахраи, Филатовы, паины, Гайдары, Яковлевы (оба), коротичи, волкогоновы, черниченки, бакатины. Имя им – «тьма тьмы».

Ждать от восторженно причмокивающих при одном виде своего свердловского пахана сочувствия невинно гибнущим людям на Пресне и в Останкине мог разве что простодушный Иванушка-дурачок. Но вот когда завопили на все лады с призывами к уничтожению соотечественников так называемые деятели культуры, то невольно вспомнилось

ленинское выступление, окрестившее интеллигенцию дерьмом. Тогдашняя русская интеллигенция была столь духовна и возвышенна, что обвинение вождя мирового пролетариата и пятнышка грязного на ее мундире не оставило. Провидческое определение Ленина пришло на ум при виде нынешней духовной элиты нации, как они себя во весь голос обзывают. Поэт, вопивший из последних силенок при виде крови на московских улицах: «Раздавите гадину!»; пианист, осквернивший стены Бетховенского зала в Большом театре истошным призывом к ЕБН бить шандалом по голове своих сподручных; актрисы, некогда воспевавшие с киноэкранов образы советских тружениц и получавшие за это все мыслимые и немыслимые цацки, а теперь впадающие в транс при виде новых хозяев – вот этих Ленин метко сравнил с дармовыми отходами. Персонажей из самой низкопробной трагикомедии напоминали Гайдар и транзисторная актриса Ахеджакова, призывавшие мирных граждан к кровопролитию. И что вы думаете, покаялась эта лицедейка в своей виновности перед родителями, потерявшими и по ее милости детей в те октябрьские дни, и перед детьми, оставшимися без отцов и матерей? Неужели у любимицы демократического ельцинского соловья Рязанова (чего стоил его холуйский телерассказ о президентской табуретке с гвоздем, впившимся в задницу услужливого интервьюера, смачно жующего котлеты, которые президентша приготовила из магазинного фарша) во время показа по НТВ (да-да, по НТВ!) в страшную годовщи-

ну правдивого фильма журналиста Кириченко при виде кадров, рассказывающих о маленькой девочке, целенамеренно расстрелянной одним из зверей-снайперов Ельцина, не встали дыбом волосы и не побежала она в храм, дабы испросить у Бога прощения за солидарность свою с убийцами?

Не покаялся никто и ни в чем! В траурные дни на экранах телевизоров, как обычно, кривлялись опостылевшие до тошноты юмористы, демонстрировали бездарные и циничные номера непрофессиональные певцы и певуньи. Изощрялся в старческой пошлости давно переставший быть поэтом Вознесенский, солидаризировался с теми, с кем когда-то враждовал или делал наоборот фигляр Евтушенко, таял и млел в лучах незаслуженной славы Шекспир и Станиславский в одном флаконе, тщеславный прихвостень ельцинского времени Марк Захаров, не задумываясь дающий советы простодушным слушателям – от вопросов высшей политики до подсказок, сжигать партбилет или не сжигать и когда выносить содержимое Мавзолея.

Главный виновник беды октябрьской, родоначальник тенниса в России, не моргнув глазом, оттягивался в день скорби на очередном турнире. Да и спортсмены нынешние, служащие скорее культу денежных знаков и забывшие основной олимпийский принцип, что главное для спортсмена – участие в играх, а не победа, так и лезут приобняться с кровавым мясником. Ну да Бог им судья, может, когда перестанут делать деньги на спорте, одумаются и покаются.

А до покаяния ли политическим тяжеловесам из ельцинской камарильи было в скорбные дни общероссийской памяти? «Без нас в Госдуме будет просто кошмар, – кричал «золотой мальчик демократии», несостоявшийся карточных дел мастер Боренька Немцов. – СПС представит в парламенте трезвых и бодрых». Заявляя так, нижегородский бонвиван, видимо, имел в виду, что у его ребят есть возможность хорошо похмеляться и заниматься фитнесом после дорогостоящих загулов. Другой ельцинский думный дьяк, Гайдар, накануне октябрьского поминовения складывал чемоданы, отправляясь помогать вконец окочуриться растерзанному Ираку. Один мой друг сказал, узнав про такой маневр со стороны американской администрации: «Теперь в Ираке разворуют и песок пустыни». Но передумали заокеанские заказчики. Услужливый до приторности член их тимуровской команды, видно, нужен дома, чтобы продолжать обескровливать Россию.

Савик Шустер, так ловко внедренный ненавистниками России на постсоветское пространство, что и в футбол русских учит играть, болея при этом за «Фиорентину», «помянул» погибших в октябре 1993 года москвичей беседой с еще одним «страдальцем» за русский народ – Глебом Павловским.

Мало удовольствия получаешь, слушая приторную и лживую болтовню сих русофобов, иногда, правда, неумело мимикрирующих и надевающих личину страдальцев за Россию.

Но нет-нет и сорвутся эти сладкоголосые певуны на злобу и неприязнь по отношению к тому положительному, что так пугало их в России всего два десятка лет тому назад. Вот и в этой беседе Шустер пожурил одного из ее участников в зале, осмелившегося вспомнить о былой боевой мощи Отечества. Вкрадчиво, но уверенно оборвал ведущий впавшего в ностальгию собеседника: «Ну ведь вы же знаете, какая тогда была армия, лучше уж и не вспоминать».

Конечно, господин Шустер, лучше вам про ту армию и не вспоминать. При той армии шустеры только и могли из-за угла потявкать в сторону России. А сейчас положили ноги на стол, за который бесцеремонно сели, и ведут себя не лучше того животного, которое в этой пословице упоминается.

От шустеров ждать покаяния за горечи и беды, подобные октябрьской трагедии, не приходится. Они их нам и сервировали, трусливо потирая потные от страха ручонки.

Но может, кто-то из них все же одумается? Вспомнит о таком человеческом атрибуте, как стыд, и покается перед Богом, а прежде всего перед самим собой. Каяться никогда не поздно! Ибо сказано: «И последние да будут первыми».

Можно нам надеяться на ваше раскаяние, господа?

Давайте одумаемся

Быть знаменитым некрасиво…
Борис Пастернак

Дорогой читатель! Задумывая поделиться с тобой размышлениями о непростом нашем времени, я не ставлю перед собой задачу предложить законообразующую идею общероссийского согласия и примирения. Не прилаживаю я на свою седую голову и лавры генералиссимуса Франко, сумевшего объединить и укрепить измученную гражданской войной Испанию и упокоить под одним скорбным покаянным крестом всех погибших во всепожирающем горниле междоусобиц. Мне в то же время отрадно отметить, что, остро реагируя на наши гражданские катаклизмы и локальные войны последних лет, мой старший друг и учитель Л.Н. Гумилев, равно как и глубоко мною чтимый большой русский писатель А.И. Солженицын, так высоко оценили испанский путь сплочения нации при франкистском режиме. Дорого мне, что сегодня все громче звучат голоса истинных граждан России, хорошо знающих цену болтливым инициаторам перестройки, узаконившей в стране вседозволенность, повальное разбазаривание национального достояния, на глазах приведших к катастрофическому ослаблению и до того уничтожавшегося большевиками генофонда, необратимым экономиче-

ским разрушениям и, не побоюсь сказать, реально ощутимой утрате военной и политической мощи государства с великой многовековой историей.

Прекрасно, что в зарождающемся хоре голосов разума отчетливо и ярко звучат выступления подлинных солистов, кому в последнее десятилетие устроители доморощенной демократии, отвергающие напрочь любое проявление патриотизма, кроме патриотизма собственной мошны, закрыли наглухо доступ на полосы незаконно приватизированных газет и журналов, кого на пушечный выстрел не подпускали к широкой телевизионной радиовещательной информационной сети. Разве могли мы слышать близкие нам голоса Валентина Распутина, Александра Панарина, Виктора Лихоносова, Дмитрия Львова, Татьяны Глушковой, Евгения Носова, да даже и упомянутым выше подлинным просветителям А.И. Солженицыну и Л.Н. Гумилеву отведена была роль второстепенных статистов в «демократическом» спектакле по плохой пьесе, сочиненной образованцами и выскочками. Нагляднее всего, по-моему, истинное лицо навязанной нам «свободы» слова и мысли представляет лишенное элементарного стыда и совестливости безапелляционное выступление современного художника Михаила Ромадина в одном из словно саранча расплодившихся глянцевых журналов. Сын славного мастера русского пейзажа Н.М. Ромадина, наплевав на отцовские заветы, ни на минуту не задумываясь, с головой нырнул в омут псевдодемократической реки, зато-

пившей обширные берега растерявшейся и многотерпеливой России. Он и не попытался понять, что на смену ленинской диктатуре и впавшему в глубокую кому тоталитаризму пришла разнузданная команда агрессивных, хватких и циничных, верных наследников большевистских учителей, готовых добивать пошатнувшуюся Россию. На вопрос бойкого и услужливого корреспондента, не пора ли плодовитому и преуспевающему Ромадину-младшему подумать о законном месте в ряду классиков отечественного искусства, незадачливый собеседник восторженно восклицает: «Давно пора!» – и при этом ссылается на высказывание еще одной сладкоголосой музы «демократии» российской Беллы Ахмадулиной, изрекшей твердо: «Если не мы, то кто же?» Каким мощным диссонансом таким шапкозакидательским манифестам звучит фильм-размышление Игоря Золотусского о Ф.И. Тютчеве, созданный и показанный в связи с 200-летием одного из первейших русских поэтов, тонкого мыслителя и блистательнейшего дипломата. А высказанный тем же Золотусским, автором лучшей биографии Н.В. Гоголя, гневный протест против беспардонного надругательства некоего режиссера Фокина над гоголевским «Ревизором» на сцене Александринки, старейшего русского театра, заставляет задуматься, уж не специально ли подсовывают на подпись нашему президенту реестры премированных государственными наградами и орденами бездарных временщиков, допущенных потешить обывателя своими мелкотравчатыми по-

делками от искусства.

Сколь глубоко восторженными были уставшие от бытовых невзгод и полемических вакханалий зрители, собравшиеся перед экранами телевизоров, когда шел сериал «Идиот», срежиссированный Владимиром Бортко по бессмертному роману Ф.М. Достоевского и неплохо сыгранный актерами. О классических проявлениях отечественного кинематографа наглядно напоминают сегодня сделанные фильмы «Кукушка», «Война» и «Звезда». Пусть запоздало, следуя грустному девизу «У нас любить умеют только мертвых», но буквально опалили нас своим мужественным откровением поминальные страницы газет, посвященные яркой жизни и самобытному творчеству Владимира Богомолова, духовная стойкость и железная принципиальность которого – лучший пример для молодых, пробующих свои силы в творчестве. Хотя, спешу заметить, богомоловские некрологи смотрятся совсем скромными на фоне всенародного празднования 70-летия г-на Познера, велеречивое прославление которого в средствах массовой информации затмило пышные юбилеи лидеров застойной эпохи.

Последние годы многие телевизионные налогоплательщики нетерпеливо ждут субботних встреч с учеными, писателями, историками, политиками и художниками, так удачно представляемыми в аналитической программе «Постскриптум» талантливым, квалифицированным обозревателем Алексеем Пушковым. До отвала накормленные деше-

венькими сентенциями и поверхностными нравоучениями заангажированных ведущих политических и «просветительских» шоу «Времена», «Основной инстинкт», «Зеркало», «Культурная революция», «Школа злословия», «Апокриф» и «Свобода слова», люди хотят слышать нужные слова от правдивых, убежденных и высокообразованных учителей, а не от постоянно мимикрирующих, донельзя сервильных выскочек. И не хочется им читать или смотреть после лично пережитых, тщательно обдуманных, пытающихся улучшить невыносимое подчас повседневное бытие размышлений Валентина Распутина и Вадима Кожинова, как всегда мудрых, основанных на богатом жизненном опыте книг Александра Солженицына и вспоминательных телециклов о недавно ушедшем Викторе Астафьеве, истинно народном русском писателе, – наспех состряпанные фальшивые «откровения» ельцинского охранника Александра Коржакова, нечистоплотный стриптиз кремлевской дилерши-официантки Елены Трегубовой или полупрофессиональный «теледонос в нескольких частях» на самого себя верного рыцаря «царя Бориса» Олега Попцова. Может, и хотят они теперь прокричать правду о своих господах, да ведь сначала надо серьезно покаяться, очиститься от собственной скверны, а потом… «Потом» после духовного преображения не понадобится, ибо не пристало слугам плевать в бывших кормильцев.

Многолетние уже поиски «Момента истины» «чешуйча-

тым» публицистом Андреем Карауловым мне лично дают исчерпывающий ответ на жгучий вопрос, почему сей телешоумен так полюбил пестуемых им на роскошной своей подмосковной усадьбе (и откуда только миллионы у юноши берутся?) крокодилов. Хозяин экзотической живности быстренько перенял у своих питомцев странную привычку проливать слезы по съеденным им жертвам. Когда он голосом благородного и щепетильного правдолюбца, чуть ли не рыдая, шепчет о справедливости или по-прокурорски жестко требует кары для очередного подрывателя государственных устоев или расхитителя народного достояния, нужно заставить его перечитать собственные статейки и книжонки, обильно «испеченные» в начале развала державы, а также посмотреть свои передачи тех лет, где смешивал он с грязью одного из ревнителей русского православия митрополита Питирима, помогал расшалившимся киношникам сбрасывать с палубы капитанов отечественного фильмотворчества, чуть ли не в обнимку беседовал с тогдашними «передовыми личностями», которых сейчас готов в порошок стереть. Вот только стойкого певца Ленина и его подельников – драматурга Шатрова миновали карающий меч и крокодиловы карауловские слезы.

Ничего не поделаешь – хоть бывший, а все же тесть… И тут уж: или «жена цезаря вне подозрений», или «послушай, Зин, не трогай шурина».

В предлагаемых заметках и наблюдениях я не собираюсь

учить уму-разуму заигравшихся в демократию общественных деятелей или представителей клана литературы и искусства. Мне просто хочется от всей наболевшей души и усталого сердца сказать: «Давайте одумаемся!»

«Осторожно, православие»?

Революционные потрясения, в начале прошлого века ввергшие Россию в пучину всеобщего разрушения, уничтожения исторической памяти и физического истребления нации, сопровождались жесточайшим террором по отношению к Православию – основе основ существования Русского государства, стержню повседневной жизни всех слоев населения, первоисточнику духовности, культурной зрелости и гармоничного развития человеческой личности. Не стану перечислять все зверства большевиков, по указанию безжалостных главарей сносивших с лица земли тысячи храмов и монастырей, возами сжигавших иконы под пение «Интернационала», живыми закапывавших в землю священников и членов их семей. Семьдесят лет продолжалось царствование сатаны в стране – хранительнице основ христианской веры и духовного подвижничества. Но Бог поругаем не бывает. В тяжелейших условиях сохранили нерушимую в Него веру не только духовные пастыри, но и прихожане русских церквей. Когда на СССР обрушилась страшная беда – кровопролитная война с фашистскими ордами, партийный и государственный вождь Сталин в самом ее начале обратился к народу по-церковному: «Братья и сестры!» – всячески привечал духовенство, подобно великим русским полководцам, искал помощи у чудотворных икон, а тост победный провозгласил

«за великий русский народ» – народ верующий и законопослушный.

После смерти вождя сводивший с ним счеты разгулявшийся на радостях Хрущев припомнил начальнику эти отступления от партийной линии и обрушил шальной свой гнев на Русскую церковь, позакрывал и без того поредевшие храмы, поиздевался вдоволь над истинными ревнителями Православия. Но и это миновало.

Грянула перестройка, а с ней и варварское разрушение страны. Впопыхах разваливая державу, сначала Горбачев, а потом и Ельцин с опричниками согласно принципу «после нас хоть потоп» сняли с Русской церкви внешние атеистические оковы и разрешили возвратить принадлежавшее ей имущество, хотя и осталось непорушенным совсем немного. Радость пришла в сердца тех, кто хранил веру и мог теперь без страха ходить в церковь, осенять себя крестным знамением, не боясь увольнения с работы.

Внешний консенсус между Московской Патриархией и руководством обезглавленной страны не исключил действия прежних политических принципов и безжалостных рычагов продолжающейся большевистской революции. Безграмотные выкормыши партийной и комсомольской номенклатуры, вооруженные бутафорскими подсвечниками, не согласуясь с мнением церковного единоначалия, а лишь по прихоти Ельцина и Собчака, показно захоронили в Петербурге неопознанные останки царской семьи. «Демократические»

академики, писатели вместе с комсомольцами, прихватизировавшими СМИ, радостно прокричали «одобрямс». И вот сейчас, когда страна страдает от локальных войн, повсеместного терроризма, заказных убийств, от расхитителей народного имущества, за что-то названных олигархами (не путать с добросовестными предпринимателями), как никогда мы нуждаемся в поддержке христианской морали, в мудрых духовниках и церковных наставниках. И они есть – те, кто может помочь выбраться России из ямы, вырытой внутренними и внешними супостатами. Но посмотрите, как их боятся рывшие эту яму! Особенно усердствуют в борьбе против церкви закупленные на корню журналисты, нечистоплотные политики, потерявшие стыд и совесть писатели и ученые. Обращусь к трем наиболее непримиримым врагам Православия – религии страны, в которой они зарабатывают деньги, растят детей и пользуются немалыми привилегиями.

Наиглавнейший телеакадемик г-н Познер в насквозь заангажированном обозрении «Времена» и на страницах газет яростно клеймит Православие, называя его главной бедой для России. Другой «демократ»-правозащитник, г-н Ковалев, отстаивавший лишь своих единомышленников, чеченских отморозков и завравшихся журналистов, с пеной у рта ратует за запрет Православия. Нобелевский лауреат г-н Гинзбург на всех телеканалах вопит: «Уберите слово «Бог» из российского гимна, я не хочу жить в этой стране под гнетом Православия». А ведь мы знаем многих нобелистов, и не од-

ного академика Павлова, которые были верующими людьми, что не мешало им в науке и творчестве достигать подлинных высот. Конституции почти всех западных стран, которые берут за образец демократии господа атеисты, начинаются со слова «Бог», да и зеленые купюры, высоко ими ценимые, украшены этим ненавистным для них именем.

Уверен, что господа эти не знают, а точнее, не хотят знать историю Государства Российского. Напомню им лишь о нескольких ее победных свершениях, случившихся под православными знаменами.

Это православные в 1242 году разгромили полчища тевтонских и ливонских рыцарей. Разгромили во главе с князем Александром Невским, причисленным к лику святых и в конце жизни принявшим схиму. А уж арийские принципы побежденных им захватчиков навряд ли по душе моим оппонентам. Это православные ценой собственных жизней и порушенных городов, проявив себя тончайшими дипломатами, закрыли татаро-монгольским всадникам дорогу на Запад. Пройди они туда – и недосчиталась бы Европа Леонардо да Винчи и Микеланджело, Петрарки и Шекспира. Правда, не произошла бы и кровавая Французская революция, ставшая прообразом для всех наших разрушителей государственности и Православия. Это православные в 1612 году смогли победить самозваную Смуту, страшнее которой разве что нынешние времена. Это православные в битве под Полтавой указали Карлу XII обратную дорогу домой. Это право-

славные в 1812 году, помолившись вместе с Кутузовым иконе Смоленской Богоматери, одолели завоевателя, перед которым полмира склонило колени.

Это православные силами своих верных сынов свернули шею тем самым фашистам, на которых вы шлете проклятия за холокост, а единомышленник ваш и бывший министр г-н Швыдкой предпочитает тот фашизм несуществующему русскому. Несуществующему, не существовавшему и не могущему существовать в стране православной.

Давайте же одумаемся, господа, и прекратим пустопорожние прения о правомочности преподавания в русских школах «Основ православной культуры». Никто не заставляет ходить на эти уроки ваших детей и внуков. Но не обкрадывайте наших наследников, как это делали ваши отцы и деды, лишив нацию знания основ подлинной истории культуры, ибо без веры и религии она изначально не может существовать.

Сделать это не поздно, господа!

Он во каков для простаков, но знаем мы – он Кабаков

Русскому человеку вообще, а художникам, зодчим, писателям и музыкантам особенно, свойственно уважительное отношение к истории, обычаям и культуре западных и восточных соседей. Россия недаром в последнее время именуется очагом евразийства. И это прекрасно, если только не брать во внимание кривляния и передергивания по этому поводу со стороны суетливых, а иногда и откровенно нечистоплотных средств массовой информации, на корню присвоенных ловкими махинаторами «а-ля Березовский и Гусинский», внедрившими в жизнь лозунг полупьяного хозяина России: «Берите, сколько сможете!»

Как много дало взаимное общение русских иконописцев с мастерами итальянскими, сербскими, болгарскими, а уж столпам византийского искусства мы обязаны если не всем, то многим. Когда псевдопатриоты обвиняют некоторых моих единомышленников и меня в приверженности чужеземным влияниям на нашу культуру, я обычно отвечаю: «А вы сломайте кремлевские церкви, ведь их строили фрязины с Фиораванти во главе!» Не знают они, видимо, что великого итальянского зодчего пригласили тогдашние правители Московии, но прежде чем начать строительство Успенского собора, отправили его во Владимиро-Суздальские земли поучиться

у старых русских зодчих, создавших в XII веке такие жемчужины, как храм Покрова на Нерли, Успенский и Дмитриевский соборы, Георгиевскую церковь в Юрьеве-Польском. И какой блистательный результат дало такое сотрудничество – веками радует изяществом своих форм, внутренней мощью и симфонизмом архитектурных слагаемых кремлевское чудо, сотворенное итальянцем на русский лад! Таких примеров бесконечное множество: один Петербург – русская столица, в строительстве которой сошлись таланты Воронихина и Растрелли, Росси и Стасова, Кваренги и Монферрана, – дорогого стоит. Интернационализм русского искусства способствовал процветанию дара Левицкого и Брюллова, Пушкина и Тютчева, Баженова и Казакова, Мусоргского и Чайковского, Блока и Цветаевой, Серова и Чехова. И когда нас сейчас пытаются обвинить во вторичности русского искусства и в квасном патриотизме, хочется крикнуть: «А вы посмотрите, почитайте, послушайте, поизучайте!» И совсем непотребны печатные и электронные средства все той же «родной» массовой информации, наперебой хулящие, поносящие, изничтожающие и наследие наше богатейшее, и любое классическое проявление современных служителей прекрасного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.